

Кто не забивал на учебу на первом курсе? Вот и у меня приключилась такая история. Только она грозила мне отчислением и прямой дорогой в армию, где мне, слабому толстяку с плоскостопием и интеллигентскими замашками точно не поздоровилось бы. Факультет у нас жесткий. Два экзамена и зачет завалены — до свидания! И вот я пошел клянчить зачет, поскольку экзамены бы я точно не сдал и не выклянчил. Была надежда на женское старушечье сердце, хотя старушка была та еще. Бррр. Лет под семьдесят, постоянно в гимнастерке с галифе, подпоясанная офицерским ремнем, со съеденной помадой на губах. Часто орала на нас, могла и ключи от кабинета в кого-то швырнуть, и обожала повторять что нас надо драть, как сидоровых коз. Старшие курсы по наследству передали нам ее прозвище — Баба Галя. Поэтому я не удивился, когда выслушав меня она предложила навестить ее завтра у нее дома. И примерно предполагал, что меня ждет. Но лучше от нее, чем порка от родителей плюс куча ограничений на каникулы. Но обо всем по порядку.

Чуть раньше назначенного времени я был по адресу в деревушке, расположенной в сорока минутах езды на электричке от нашего городка. Это был небольшой кирпичный дом на окраине поселка за высоким деревянным забором, густо по верху оплетенным виноградом, хмелем и еще какой-то вьющейся живностью, окруженный ветхими и, скорее всего, нежилыми хатками-мазанками. Оказывается, я был не один «счастливчик» — у калитки уже топтались какие-то парень и девка, походу тоже первокурсники. Я подошел, поздоровался и рассмотрел их поближе. Парень (парень... чмо очкастое) был ниже меня ростом, рыхлого телосложения, лицо было в угрях, и весь этот образ скрашивали огромные очки в роговой оправе и такие же огромные слюнявые губы.

Девка тоже была, как говорится... Выше меня на голову, толстая, с глазами навывкате и постоянно приоткрытым ртом. И я — толстячок. Блин — не любит она толстых что ли? Познакомились — Вадик и Леся. Вадик был как и я, городским, а Леся откуда-то за 200 км. И, как выяснилось — она старше нас на 2 года — еле поступила с третьего раза. И если ее выгонят — дома ее убьют. И Вадика. А меня заберут служить в армию. Я ведь тоже поступил не с первого раза. А перед этим тоже убьют дома. В общем истории у нас одинаковые и путей отступления нет. Мы начали тихонечко гадать — а что же нас ждет? Может, старая ведьма заставит делать что-то по хозяйству, или еще раз примет зачет, вернее не примет, и все пропало... или... Но то что нас ждало, мы точно не видели бы даже в кошмарном сне.

Ровно в десять калитка открылась и перед нами предстала Баба Галя в своем неизменном военном костюме.

— Ну что, лоботрясы, заходите, коли пришли...

Мы неуклюже бочком протиснулись мимо нее во двор, где она выстроила нас в шеренгу, закурила папиросу и, шумно затягиваясь и шагая вдоль нашего небольшого строя, проскрипела:

— Значит так, голуби мои сизокрылые! Вы все здесь потому, что не желали учиться. И вляпались, о чем каждый из вас мне говорил и пытался выдать зачет. Хуй с вами — поставлю, но, бля, этот день вы должны запомнить надолго! И если своих мозгов не хватает и родители вам их не вправляют, возможно мое наказание поможет вам взяться за голову! А нет... Значит вы и нахуй безнадежны! В общем — она отбросила окурок и произнесла уже

тише и с какой-то усталостью в голосе — кто готов получить — сдает зачетку и листок из деканата. Но предупреждаю — денек будет веселый! Кто нет — уёбует нахуй!

Мата мы от нее никак не ожидали. И от этого покраснели. А от самой речи опустили головы и рассматривали свои ноги. И понимали, что в общем-то все справедливо. И молча протянули зачетки.

Она их приняла, закурила новую папиросу и скомандовала:

— Так! Теперь раздеваемся. Догола!

После секундного замешательства первой начала стягивать через голову свой сарафан Леся. Когда показались ее молочного цвета груди, начал расстегивать рубашку Вадик. Я нагнулся и стал расшнуровывать кроссовки только когда ведьма протянула мне обратно мою зачетку. Леся первой стянула свои белые х/б трусы и прикрывала сарафаном грудь, а трусами густые заросли между ног.

— Босоножки тоже снимай, дура! А одежду вон на крыльце повесь.

Когда Леся пошла к крыльцу, мы с Вадиком, переглянувшись, чтоб типа одновременно, стали стягивать свои семейки. И, когда они были в районе коленей, оба зависли и уставились на голую жопу нашей подруги по несчастью — ни Вадик, ни я еще голой телки не видели.

Раздевшись, мы тоже отнесли вещи и вернулись на место. И украдкой косились на Лесю. Писюны наши начали медленно набухать и уже сложно было прикрывать их руками. Но тут старая карга скомандовала «Смирно» и мы вытянулись по струнке.

Пока мы раздевались, она рассматривала наши зачетки и сейчас вынесла вердикт:

— Вы оба — ткнула в нас пальцем, — просто лодыри! И вас нужно драть как сидоровых коз для усидчивости. А вы только о подрочить думаете! — и она шелкнула зачетками по нашим вставшим писюнам. — Дрочите?

Мы с Вадиком молчали и получили по еще одному щелчку. После которого кивнули головами. Она удовлетворенно хмыкнула и переключилась на Лесю:

— Ну а ты, дылда?! Ты ж просто тупая, как валенок! Дубина стоеросовая! Ебалась уже? — Леся зарделась и кивнула. — Вот! Нахуя ты своих коров бросила!? Доила б их и еблась! Нет, бля! Интеллигенцией решила стать, ебивомать!

После этих слов Леся получила пощечину зачеткой и зарыдала. Нам с Вадиком тоже стало пощипывать глаза, а Вадик так даже пустил слезу и несколько раз хлопнул носом.

— Рано плачете! Вы у меня сегодня реветь как белуги будете! Ты, дылда — она показала рукой в огород, — Сходи нарви крапивы. А вы руки за голову и ноги на ширину плеч!

— А ты погуще рви, — крикнула она Лесе вдогонку, — да побольше!

Наконец Леся принесла огромный пучок, который еле держала за стебли обеими руками. Наша мучительница одобрительно кивнула и приказала:

— Теперь давай постегай этих оболдуев между ног.

Леся чуть помедлила и слегка хлестнула меня первого снизу вверх. Меня сразу обожгло, я зажмурился, а Лесе поступила новая команда и звонкий шлепок по заднице:

— Ты пыль с него сдуваешь? Ну-ка сильней! — и палец указал на Вадика.

После этого «сильней» Вадик заскулил и заплакал. Затем настала моя очередь, потом снова Вадика и так раз восемь-десять. Наши хуи не просто опали, а вместе с яйцами сжались и стали как у младенцев — только шкурка торчит.

— Теперь по жопам им пройдишь. — И Леся по очереди всыпала нам по десятку.

— Так... Хорошо... Теперь сама зажимай его между ног! Не было у тебя еще такого букета? —

Баба Галя заржала.

Леся чуть расставила ноги, поднесла «букет» и зажала. И тут же закатила глаза и скорчила гримасу боли.

— Сильней сжимай! Так, а теперь садись. — Леся села и заревела. — И пиздой, пиздой елозь! Не можешь учиться — привыкай пиздой отрабатывать! Да побрейся, а то как обезьяна!

Пока Леся сидела, мы с Вадиком ожесточенно чесали жопы и бедра внутри. Наконец лесе позволено было встать и нас направили вручную пропалывать огород.

— Да не потопчите там, нуки!

Прополка заняла около часа. В основном, за счет Лесиных познаний. Мы с Вадиком больше сачковали и поглядывали на голую Лесину жопу в волдырях, которая вырвалась далеко вперед. Наши писюны снова начали подыматься, несмотря на то, что мы обливались потом и нас кусали слепни и комары.

Об окончании прополки Бабу Галю уведомила Леся. Та посмотрела и вроде осталась довольной. Но это был не конец наказания. Нам жестом приказали идти в дом, где на ступеньках крыльца был густо рассыпан сухой горох. Да не тот, лущеный, что в магазинах продают, а полностью круглый.

— Становитесь на колени и думайте над своим поведением! — Баба Галя устроилась на кресле-качалке и открыла какую-то книгу.

Мы встали и тут же ощутили всю каверзу пытки. На ступеньке помещались только колени, а опор для ступней не было. Сразу стало жутко больно, а через пару минут невыносимо. Но мы стояли. И плакали. И думали. И обещали себе учиться. А Баба Галя задремала.

Нам показалось, что мы стояли вечность, но на самом деле прошло всего минут сорок. Наконец она очнулась и разрешила нам встать. На колени было страшно смотреть — горох впился в них практически полностью и при снятии доставлял новые порции боли.

— Ну что, пора и отпороть вас от души! — Зевнула и потянулась Баба Галя. — Пошли в сад.

В саду был вкопан стол с скамейками по бокам. Под столом, в вечном тенечке стояла высокая банка из под консервов сельди, наполовину заполненная водой. А из нее торчал. Я узнал ЭТО. Это не просто кусок кожи. Это гроза всех непослушный задниц. Однажды меня всего один раз таким ударил в детстве дед — и жопа болела два дня, а синяк сходил неделю. Это был отрезок толстого, миллиметра четыре в толщину и сантиметров 5 в ширину, ремня очень грубой кожи. На конце он был разделен буквой «М». Мой дед правил об него опасную бритву. И он был сухой. А здесь он моченый, значит гораздо тяжелее. Я загрустил, а ноги и жопа начали мелко подрагивать.

Первой Баба Галя порола Лесю. () Она вытянулась на скамейке, а нам с Вадиком приказано было сесть на ее руки и ноги. Баба Галя от души размахнулась и впечатала ремень в ее задницу. Леся заорала и задергалась, а я увидел как на ягодицах отпечатались рубцом контур ремня. Но Баба Галя не обращала внимания и продолжила размеренно пороть, после каждого удара делая паузу в секунд десять. Наши с Вадиком членики от вида этого зрелища снова поднялись. Вадику повезло больше — хоть вид на извивающуюся лесину жопу у меня был лучше, когда она дергала головой, то цепляла щеками и подбородком его хуй. Но это было не долго — всего 25 ударов. Но жопа... Жопа выглядела ужасно — вспухший рубцами спелый помидор с сиреневыми контурами ремня.

А потом Вадику повезло меньше — его пороли следующего. И мне было велено сесть на руки, а все еще рыдающую Лесю усадили на ноги. И теперь Вадик тер своими пухлыми щечками

мой стоявший член. А иногда и попадал по нему своими большими губами.

Затем Баба Галя порола меня. И Вадика тоже посадила спереди. Но после порки его писюн съежился и мне не пришлось его касаться.

Но и это было еще не все.

— Ну вот, голуби, — изрекла старая, рассматривая наши задницы и колени. — Теперь точно вам не до пляжей недели три-четыре будет. Может и за голову возьметесь. А пока, для закрепления, так сказать, урока, возьмите-ка вы вещи этой доярки и пиздуйте на станцию огородами. Голяком. А я поставлю зачеты и ее с вашими вещами вдогонку отправлю. Все, свободны!

В следующий семестр мы с Вадиком (он был с другого факультета, и мы узнали друг друга на общей лекции) сдали Бабы Гали предмет на отлично, а дылда-доярка Леся на твердую тройку с первого раза. И с любопытством поглядывали на тех студентов и студенток с нашего потока, кто в этом семестре расслабился по ее предмету.